

Лин Шу растерянно смотрел на удаляющийся силуэт государя. Спустя мгновение он тихо спросил:

— Ваше Величество, вы пьяны?

Ян Тао поднял на него мутный, блуждающий взор:

— Я? Пьян? Не мели чепухи, ты недооцениваешь своего государя... Позволь мне войти и прилечь.

Слуги бережно подхватили его под руки. Целая толпа евнухов и стражников хлынула следом, бесцеремонно оттеснив Лин Шу в сторону. Тот лишь молча наблюдал, как императора увели в главные покои, где он тяжело повалился на почётное ложе-лоханьшуань.

Лин Шу не спеша вошёл следом и остановился у порога, не приближаясь. Ян Тао, чьи глаза налились нездоровой краснотой, яростно уставился на него.

— Подойди ближе! — прорычал он. — Что ты там встал, как чужой?

Затем император раздражённо махнул рукой замершим у постели слугам:

— Вон отсюда! Или забыли правила приличия?

Евнухи испуганно закивали и поспешно покинули комнату.

Лин Шу пришлось сделать несколько шагов вперёд.

— Ваше Величество, у вас есть повеление? — спросил он.

Ян Тао долго всматривался в его лицо, а затем вдруг хрипло рассмеялся:

— Сегодня Праздник середины осени... Я пировал с министрами, любовался луной и вдруг вспомнил о тебе. Вот и решил навестить. Как ты поживаешь в эти дни?

— Благодарю за заботу, Ваше Величество. Всё как обычно, — ровно ответил Лин Шу.

Ян Тао потянулся к чарке на столике, сделал глоток, но хмель внезапно ударил в голову. Пальцы императора задрожали, и половина чая пролилась прямо на подол его роскошного одеяния. Видя это, Лин Шу невольно подался вперёд, намереваясь забрать чашку, но на полпути замер и отступил. В следующий миг раздался звонкий треск — фарфор выскользнул из рук Ян Тао и разлетелся вдребезги о каменный пол.

Ян Тао, не обращая внимания на осколки, заговорил:

— Знаешь ли ты, что творится на фронте? Центральная императорская гвардия терпит поражение за поражением! Мятежники уже почти вышли к берегам Хуанхэ! Вэй Мэндо — никчёмный тупица! Как моя доблестная гвардия не может совладать с кучкой бунтовщиков? Всё из-за бездарности военачальника! Он только и делает, что клянчит подкрепление. Я приказал направить войска из Трёх застав, чтобы ударить князю Чжао в тыл, но эти предатели, Ин Сю и Фан Вэньюэ, посмели заявить, будто Цзинь Яжэнь выжидает на границе, и заставы оголять нельзя. Отказались выполнять приказ! Какая чушь про угрозу от Сицзя! Они просто держат на меня злобу из-за казни Ло Ина! Клянусь, настанет день, и я предам этих тварей лютой казни — тысяче порезов, чтобы весь мир содрогнулся! Никто больше не посмеет перечить мне! И эту казнь проведут твои люди!

Он кричал, в ярости колотя кулаком по столу. В колеблющемся пламени свечей Лин Шу показалось, что в глазах императора блеснули слезы. Сердце болезненно сжалось.

— Ваше Величество... — тихо произнёс он. — На Трёх заставах действительно нельзя ослаблять бдительность. Вы можете призвать войска из других провинций.

Ян Тао вскинул голову и вперил в него тяжёлый, воспалённый взгляд:

— Легко говорить! Великие кланы Цзяндуна спят и видят, как урвать кусок, варвары из Наньцзюна только и ждут возможности разграбить наши рубежи... Везде нужны гарнизоны! Думаешь, всё так просто? Каждое утро на аудиенциях я борюсь с этими старыми лисами, даже сегодня, в праздник, я обязан улыбаться им и пить вино. А у меня на душе кошки скребут, сердце кровью обливается! Но кого это заботит? Я горю в этом аду день за днём, и никто, никто не может облегчить мои муки!

Он казался мертвецки пьяным, но говорил на удивление связно. Трудно было понять, играет он или действительно потерял рассудок от вина и страха. Видя, что Лин Шу молчит, Ян Тао покачиваясь поднялся на ноги.

— Юаньмэй... О Юаньмэй, за что тебе уготован такой рок? Кем ты стал для меня — проклятием или благословением? Я спрашивал у помощника министра Цзина, можно ли изменить твоё предназначение, но он лишь развёл руками. Я — Сын Неба, владыка Поднебесной, обладающий несметными богатствами... Почему же каждый в этом мире норовит вонзить мне нож в спину?

Бормоча это, он нетвёрдой походкой подошёл вплотную к Лин Шу. На его лице блуждала странная улыбка.

— Неужели даже моей императорской воли мало, чтобы укротить твою зловещую звезду? Я начинаю в этом сомневаться... Ах, какая сегодня луна, чудесная луна...

Он протянул дрожащие руки и опустил их на плечи Лин Шу. Тот оцепенел, чувствуя, как по

спине пробежал холодок.

— Ваше Величество, что вы делаете? — выдавил он.

— А ты совсем исхудал... — прошептал Ян Тао, бесцеремонно сжав его плечи. В этом жесте сквозила странная, болезненная нежность.

Потрясённый Лин Шу резко сбросил его руки. Он не рассчитал силу, а пьяный император и без того едва держался на ногах. Потеряв равновесие, Ян Тао неловко взмахнул руками, попятился и с глухим стуком повалился на пол.

Падая, Ян Тао инстинктивно выставил руку назад и навалился ладонью на острые осколки разбитой чашки. Острая боль пронзила запястье. Император вскрикнул и поднял окровавленную ладонь. Кровь густой струйкой побежала по его предплечью, исчезая в широком рукаве халата.

Лин Шу похолодел от ужаса. Осознав, что натворил, он рванулся вперёд, но было уже поздно. Оба они застыли, потрясённо глядя на раненую руку.

Наконец Лин Шу обрёл дар речи:

— Я не хотел... Простите меня, Ваше Величество! Позвольте помочь...

Он протянул руки, но Ян Тао в панике отпрянул, вжимаясь спиной в ложе. Его глаза расширились от суеверного ужаса.

— Стой! Не подходи ко мне! — взвизгнул он, указывая на Лин Шу дрожащим пальцем. — Ты действительно... Ты чудовище! Не смей приближаться! Люди! Стража, ко мне!

Лин Шу вздрогнул и отпрянул. На истошный крик повелителя двери распахнулись, и в покои лавиной хлынули слуги и стражники. Они поспешно подняли императора с пола, а подбежавший евнух принялся спешно перевязывать сочащийся кровью порез белым шелком. Лин Шу безучастно наблюдал за этой суматохой. Ян Тао, бледный как полотно, опираясь на слуг, покинул комнату. Он уходил торопливо, почти бегом, ни разу не обернувшись на своего некогда любимого приближённого.

Той же ночью императора разбил сильнейший жар. Лихорадка терзала его трое суток без перерыва, не давая облегчения. Было ли это простым совпадением или злым роком, но вину за недуг государя безмолвно возложили на зловещую судьбу Лин Шу — удел Одиноким звезды Небесного Демона. Тем не менее он оставался доверенным лицом государя, и, поскольку сам император не отдавал никаких приказов о наказании, никто во дворце не посмел причинить ему вреда.

Империя трещала по швам от внешних угроз и внутренних распрей, а монарх даже не мог проводить государственные советы. Наступило утро четвёртого дня. Лин Шу вошёл под своды императорского дворца и остановился перед покоями Ян Тао, прося об аудиенции. Ян Тао, лежавший на драконьем ложе, к тому моменту немного пришёл в себя. Выслушав доклад евнуха, он бессильно вздохнул:

— Неужто он сам решился прийти? Эх, оставь... Не хочу его видеть. Пусть возвращается в Верховный суд и занимается делами.

Евнух передал волю государя и вежливо попросил Лин Шу удалиться.

Лин Шу стоял у подножия яшмовых ступеней, за спиной его покоился верный меч Чжэньбин. В утреннем холодном воздухе кружились и медленно опадали жёлтые листья платанов. На мгновение его мысли унеслись в далёкое прошлое. Много лет назад Ян Тао, бывший тогда ещё наследным принцем, впервые узнал о его проклятом рождении. Тогда принц стоял на этих же ступенях и смотрел на него — в его глазах мешались страх и жалость. Наконец он мягко произнёс: «Ступай в Верховный суд. Поучись у главы ведомства несколько лет. Когда ты вырастешь, я не забуду тебя. Иди». С тех пор Лин Шу служил в Верховном суде и редко переступал порог дворца.

Затем в памяти всплыло другое утро — год назад, когда он вернулся с Трёх застав и ждал аудиенции здесь же. Ян Тао тогда в ярости пнул его, но лишь сильно подвернул собственную ногу.

А теперь пострадала рука.

Судьба раз за разом повторяла один и тот же сценарий, вот только время утекало безвозвратно, словно внешняя вода, и былого уже не вернуть.

Овеваемый холодным осенним ветром, Лин Шу опустился на колени прямо на каменные плиты двора и трижды совершил земной поклон в сторону покоев Ян Тао. Закончив, он поднялся и покинул запретный город.

Тем временем к северу от Жёлтой реки бушевало пламя войны.

Великий генерал гвардии Цзиньфу Вэй Мэндо терпел одно поражение за другим. Войско князя Чжао действовало так, будто наперёд знало каждый шаг противника, нанося сокрушительные, молниеносные удары. Продвигаясь на восток, мятежники без труда овладели Юньчэном и подчинили себе земли к востоку от Реки Хэдун. Однако они не спешили поворачивать на юг. Вместо этого Князь Чжао разделил силы на два крыла, которые прошли через Ичэн, Циньшуй и Цзиньчэн, чтобы взять под контроль округ Шандан. Заняв эти земли, они подошли к заставе Небесного Колодца с севера. Теперь силы мятежников образовали мощный клин: армия князя Чжао на севере и войска генерала Юань Оумина, наступавшие от заставы Ханьгу, взяли Лоян в железные клещи.

Стремительное продвижение князя Чжао по землям Цзиньчжуна стало для Вэй Мэндо бесконечным кошмаром, от которого невозможно было пробудиться. Страх ледяными тисками сжимал его сердце. Будь на то воля Ин Сю и Фан Вэньюэ, охранявших Три заставы, они могли бы направить войска через Шочжоу и Тайюань, ударив князю Чжао в тыл. Но увы! Сколько бы тайных указов ни отправлял Ян Тао, оба военачальника оставались глухи к призывам, предпочитая безучастно наблюдать за пожаром с безопасного расстояния.

Земли Лу и северная часть Субэй принадлежали князю Лян. Ян Чжао с детства отличался слабым здоровьем и почти не вставал с постели из-за вечных недугов. Получив тревожные вести от императора, он всё же снарядил верные престолу войска, однако подкрепление почему-то задерживалось в пути. Что касается Шестого принца Ян Ле, чьи владения находились в Цзяндуне, то этот гуляка безвылазно сидел в столице, предаваясь праздности и кутежам. Ян Тао с самого начала понимал, что на него рассчитывать не стоит, и даже не пытался призвать его к оружию.

Помощь задерживалась, и обычно хладнокровный генерал Вэй Мэндо начал терять терпение. Спешные донесения летели в столицу одно за другим. Ян Тао изнывал от тревоги: поначалу он отправил к генералу помощника министра Цзин Хуайюя с приказом приободрить войска, но в последних императорских указах уже отчётливо сквозило раздражение и упрёки в некомпетентности.

Тем временем дела князя Чжао шли как нельзя лучше. Бэйчэнь Цин во главе победоносного войска сметал всё на своём пути, продвигаясь от Цзиньчжуна к южным границам провинции. Вэй Мэндо отчаянно оборонялся, но его попытки сдержать натиск были жалкими. Наконец противоборствующие армии сошлись у уезда Хэнэй. Вся линия обороны по северному берегу Жёлтой реки — от Хяна до Хэнэя и заставы Небесного Колодца — превратилась в пороховую бочку. Если этот рубеж падёт, на пути к столице у мятежников останется лишь одна водная преграда.

Вэй Мэндо оставалось лишь глухо запереться в крепости и уповать на скорый подход подкреплений из Шаньдуна. Бэйчэнь Цин и его соратники обложили Хэнэй со всех сторон, выжидая удобного момента, точно волки, загнавшие добычу. К счастью для генерала, Хэнэй по праву считался ключевой твердыней к северу от реки: выбеленные временем каменные стены уходили высоко в небо, а широкий ров преграждал любой подступ. Князь Чжао потерял немало воинов при штурме, но город стоял непоколебимо. Бэйчэнь Цин, мастер конного боя, пытался выманить противника на открытые склоны Тайхан к северу от города, чтобы разорвать его ряды стремительным наскоком кавалерии. Однако наученный горьким опытом Вэй Мэндо проявлял предельную осторожность и на уловки не поддавался. Осада затягивалась, лишая князя Чжао и его полководцев сна и покоя.

Ян Е тоже терял терпение. Наблюдая за бесплодными атаками на крепостные стены, он подошёл к Бэйчэнь Цину:

— Юньци, так дело не пойдёт. Дозорные шепчут, что Третий принц шлёт подкрепление из Шаньдуна. Сколько бы воинов там ни было, их появление свяжет нам руки. Нам нужно ковать железо, пока горячо: прорваться к Лояну и лишить Ян Тао возможности опомниться и нанести ответный удар.

Бэйчэнь Цин с досадой хлопнул ладонью по эфесу:

— Я и сам это понимаю! Но этот старый лис заперся в норе. Как заставить его высунуть нос? Будь он посмелее, мы бы заманили его на север, к ущельям города Ваньцзы. Там идеальное место для засады. Сможешь выманить его?

Ян Е озадаченно поскрёб затылок:

— Старик так запуган нашими ударами, что на дешёвую приманку не пойдёт. Да и от нашего... «друга» уже пару дней нет вестей. Надо бы отправить лазутчиков разузнать, что там.

Этим «другом» был не кто иной, как Цзин Хуайюй, находившийся сейчас при штабе Вэй Мэндо. Хэнэй был блокирован со всех сторон, но для помощника министра Цина не существовало закрытых дверей — он всегда находил способ передать весточку. Ян Е отправил ему тайное послание с просьбой поторопиться. Спустя два дня пришёл ответ. Едва развернув свиток и пробежав глазами короткую строчку, Ян Е разразился отборной бранью и стремглав бросился на поиски Бэйчэнь Цина.

Прежде воины князя Чжао ежедневно выезжали к стенам и осыпали осаждённых проклятиями, но Вэй Мэндо и ухом не вёл. Когда же Бэйчэнь Цин шёл на приступ, правительственные войска отчаянно отбивались, и противостояние вновь заходило в тупик. Однако в этот день всё изменилось. Ян Е во главе небольшого отряда подскочил к самым воротам и принялся орать во всю глотку, пока Бэйчэнь Цин держал наготове основные силы. Сам князь Чжао, редко покидавший шатёр, выехал на холм вместе с советником Жэнь Гуанем. Придерживая коней, они наблюдали, как Ян Е с упоением склоняет на все лады весь род генерала Вэй Мэндо до седьмого колена.

Когда брань достигла самого сочного пика, на крепостной стене показалась грузная фигура Вэй Мэндо. Сквозь клубы серого дыма старый генерал равнодушно посмотрел на беснующегося внизу Ян Е, словно взор его устремлялся куда-то вдаль, за сотни ли отсюда. Выслушав очередную порцию оскорблений, он молча поднял правую руку и сделал едва заметный знак.

В тот же миг над крепостью загремели боевые барабаны, заставив содрогнуться землю. Под этот грохот с противным скрежетом поползли вниз цепи, опуская тяжёлый подвесной мост. Огромные кованые ворота распахнулись, и наружу хлынул поток конницы. Возглавлявшие его командиры не тратили времени на ответную брань. Туча стрел затмила солнце, обрушившись на авангард мятежников, после чего правительственные войска разделились на три клина. Центральный отряд устремился прямо на Ян Е, а два боковых крыла начали стремительный обхват с флангов.

Закипела яростная рукопашная схватка. Поле огласилось хрипами умирающих и звоном ломающегося железа. Даже посреди этого кровавого безумия Ян Е сохранял поразительное хладнокровие, подмечая каждую деталь. Окинув взглядом левый фланг, он внезапно заметил отряд всадников в чёрных доспехах. Они двигались с невероятной быстротой, точно тени,

скользящие сквозь строй сражающихся. Оставляя за собой просеку из разрубленных тел, эта грозная кавалерия неумолимо пробивала оборону. Воины князя Чжао пытались преградить им путь, смыкая ряды, но чёрные всадники легко опрокидывали пехоту, безжалостно рубя каждого на своём пути.

Они неслись вперёд подобно грозовой туче, подгоняемой ураганом, и в считанные мгновения оказались в опасной близости от князя Чжао. Ян Е на секунду впери́л взгляд в предводителя этого чёрного клина, и его сердце бешено заколотилось от внезапной догадки. Резко развернув коня, он вонзил шпоры в бока скакуна и помчался наперерез, срывая голос в отчаянном крике:

— Остановите их! Преградите им путь! Назад, защищайте князя Чжао!

Но он заметил опасность слишком поздно, и расстояние было слишком велико. Посреди неистового гула сражения, рёва тысяч глоток и конного топота, в воздухе вдруг ослепительно вспыхнула чистая, смертоносная полоса белого света. Точно падающая звезда, этот ледяной клинок рассёк пространство с такой яростной силой, что воздух вокруг, казалось, мгновенно заиндевел. Смерч чистейшей, убийственной ауры устремился прямо в грудь неподвижно стоявшему князю Чжао!

<http://bllate.org/book/19546/1998834>